

Джоанн
Гринберг

Я НИКОГДА
НЕ ОБЕЩАЛА ТЕБЕ
САД ИЗ РОЗ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г 85

Joanne Greenberg
I NEVER PROMISED YOU A ROSE GARDEN
Copyright © 1964, 1992 by Hannah Green
Afterword Copyright © 2009 by Joanne Greenberg
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

© Е. Петрова, перевод, примечания,
2017

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13234-4

Глава первая

Осенней порой они проезжали по благодатной местности, через причудливые старые городки, расцвеченные первой яркой листвой. Разговаривали мало. Из них троих отец нервничал заметно больше всех. Время от времени он прерывал затяжные паузы какими-то обрывками фраз, бессвязными и неуместными, от которых и сам, похоже, только досадовал. А один раз требовательно обратился к девочке, чье лицо поймал в зеркале заднего вида:

— Знаешь, я женился дураком еще, не имел понятия, что значит растить детей... быть отцом... понимаешь меня?..

Его защита была полунападением, но девочка так или иначе не отреагировала.

Мать предложила остановиться на чашку кофе. Поездка, сказала она, получается вроде как прогулочная, год уже к концу идет, с ними чудесная дочурка, местность красивая, глаз не оторвать.

Они свернули к придорожной закуской. Девочка выскочила из автомобиля и заспешила к туалету позади строения. Родители резко обернулись ей вслед. Потом отец сказал:

— Все нормально.

— Нам лучше здесь посидеть или пройти внутрь? — спросила вслух мать, рассуждая сама с собой.

У нее был более аналитический ум: она все просчитывала заранее — как поступить, что сказать, — и муж не перечил, поскольку так проще и в большинстве случаев жена оказывалась права. Сейчас он, ощущая свое смятение и одиночество, позволил ей бубнить дальше — планировать, прикидывать, — потому что так она успокаивалась. А ему легче было молчать.

— Если мы останемся здесь, — продолжала жена, — то будем на виду: вдруг ей что-нибудь понадобится? А если она выйдет и нас не обнаружит... Зато будет понятно, что мы ей доверяем. Она должна чувствовать, что мы ей доверяем...

Было решено пройти в закусочную; двигались они с большой осторожностью, что, совершенно очевидно, вошло у них в привычку. Выбрав столик у окна, они смотрели, как девочка заворачивает за угол и направляется к ним, и старательно делали вид, будто она для них посторонняя, дочь совсем других родителей, с которой их только что познакомили, — какая-то Дебора, чужое дитя. Они изучили угловатую подростковую фигурку и сочли, что она вполне пропорциональна, да и личико умное, живое, хотя для шестнадцати лет чересчур инфантильное. С тем, что их ребенку свойственна какая-то не по летам горькая умудренность, они свыклись, но сейчас не могли обнаружить ее следа в этой знакомой внешности, которую, как они пытались себя убедить, научились оценивать со стороны. Отца преследовала мысль: что могут знать посторонние? Она же наша... родная. Люди ее не понимают. Тут какая-то ошибка... ошибка!

Не выпуская дочку из поля зрения, мать одновременно контролировала и себя. «Внешне... по мне

ничего не должно быть заметно — ни намек, ни единого признака... идеальная видимость». И улыбалась.

Вечером они остановились поужинать в небольшом городе, где направились — с вызовом и долей авантюризма — в лучший ресторан, для которого оказались совершенно не одеты. А после ужина еще пошли в кино. Дебора, судя по всему, была в восторге от такого вечера. Они все время шутили — и в ресторане, и в кинотеатре, а потом, шагая сквозь непроглядный пригородный мрак, вспоминали забавные эпизоды прежних путешествий и хвалили друг друга за памятьливость.

В мотеле, где им предстояло заночевать, Дебору поселили отдельно — это была еще одна особая и очень желанная привилегия, о чем не знал никто, даже любящие родители.

Оставшись у себя в номере, Джейкоб и Эстер Блау смотрели друг на друга из-под своих масок и не могли понять, почему им даже наедине никак не удастся сбросить эти личины, свободно вздохнуть, расслабиться, хоть немного посидеть спокойно. Им было слышно, как за тонкой стенкой раздевается перед отходом ко сну их дочка. Они даже взглядом не признавались, что всю ночь будут ловить любые звуки, отличные от ее сонного дыхания, потому что любые звуки могли стать сигналом... опасности. Лишь один раз, перед тем как улечься для ночного бдения, Джейкоб сдвинул маску и напряженно прошептал на ухо жене:

— Зачем нам отпускать ее от себя?

— Врачи говорят, так нужно, — прошептала в ответ Эстер, неподвижно лежавшая лицом к стенке.

— Врачи... — Джейкоб с самого начала не хотел подвергать семью такому испытанию.

— Место хорошее, — сказала она чуть громче, как и рассчитывала.

— Одно название — психиатрический стационар, а на самом деле — застенки, Эс, застенки, куда можно упечь кого угодно. Что хорошего найдет в таком месте наша девочка... совсем еще ребенок!

— Господи, Джейкоб, — прошептала жена, — сколько времени мы раздумывали, прежде чем принять решение? Если уж даже врачам не доверять, так куда нам податься, у кого просить совета? Доктор Листер говорит, помощи больше ждать неоткуда. Нужно хотя бы попытаться! — Она вновь упрямо отвернулась к стенке.

Джейкоб смолчал и в очередной раз уступил жене; у той на все был готов ответ. Они пожелали друг другу спокойной ночи; каждый, притворяясь спящим, задышал глубоко и ровно, чтобы обмануть другого, а глаза до боли настороженно вглядывались в темноту.

За стеной на кровати лежала Дебора. В Империи Ир существовала такая нейтральная территория — Четвертый Уровень. Туда можно было попасть лишь по чистой случайности, но не по плану и не по своему хотению. На Четвертом Уровне не было переживаний, которые носишь в себе, не было ни прошлого, ни будущего, которые нужно перемалывать. Не было ни воспоминаний о собственном «я», ни тем более владения им; не было ничего, кроме упрямых фактов, которые приходили к ней незваными по мере надобности, без привязки к чувствам.

Теперь, лежа в постели, она достигла Четвертого Уровня, и будущее перестало ее волновать. Люди в соседней комнате, видимо, приходились ей родителями. Очень хорошо. Но они принадлежали к туманному миру, который сейчас развеивался по мере того, как ее, ничем не отягощенную, уносило в новые пределы, не таившие никаких тревог. Удаляясь от мира прежнего, она вместе с тем удалялась и от хитросплетений Империи Ир, от Синклита Избранных, от Цензора, от ирских богов. Перевернувшись на другой бок, она погрузилась в глубокий и успокоительный сон без сновидений.

Утром семья продолжила путь. Когда машина отъезжала от мотеля в солнечную дневную даль, Деборе пришло в голову, что путь может продлиться вечно и тогда нынешнее ощущение покоя и великолепной свободы станет новым подарком от не в меру требовательных, по обыкновению, богов и властителей Ира.

Через несколько часов, когда местность сделалась золотисто-охристой и на городских улицах заметались солнечные зайчики, мать спросила:

— Ты не пропустишь поворот, Джейкоб?

Из бездонного Жерла, что в Империи Ир, донесся вопль: *«Безвинна! Безвинна!»*

Дебора Блау, оказавшаяся на свободе, ударилась головой о стык двух миров. Удар, как всегда, получился зловеще беззвучным. В том мире, где она жила самой полной жизнью, солнце в небе раскололось, почва взорвалась, тело рассыпалось на части, зубы и кости, посходив с ума, раскрошились. Между тем в другом мире, населенном призраками

и теньями, какой-то автомобиль свернул на боковую дорожку, ведущую к зданию из красного кирпича. Окруженная деревьями постройка рубежа двадцатого века слегка обветшала. Вполне подходящий фасад для сумасшедшего дома. Когда автомобиль затормозил у входа, Дебора еще не оправилась от столкновения; не так-то просто оказалось выбраться из машины и без заминки подняться по ступеням в вестибюль, где, наверное, поджидали врачи. На всех окнах были решетки. Дебора молча улыбнулась. Все сходится. Ладно.

При виде решеток Джейкоб Блау побледнел. Теперь у него не повернулся бы язык сказать себе «дом отдыха» или «санаторий». Голая и холодная, как эти железные прутья, на него смотрела правда. Жена попыталась внушить ему на расстоянии: «Этого следовало ожидать. Что тут удивительного?»

Их приняли не сразу; время от времени Эстер Блау привычно изображала веселье. Если не считать зарешеченных окон, помещение выглядело так же, как любой другой приемный покой, и она отпустила банальную остроту насчет древности лежавших на столике журналов. Откуда-то из коридора послышался скрежет поворачиваемого в замке большого ключа, и Джейкоб, вновь цепenea, беззвучно простонал: «Только бы не за ней... не за нашей малышкой Дебби...» Он не заметил, как на лице дочери вдруг проступила беспощадность.

На пороге медлил дежурный врач. Потом этот квадратный, приземистый человек нырнул к ним в приемный покой, где осязаемо висела душевная боль. Это старое здание — он понимал — внушало ужас всем входящим. Сейчас он готовился как можно скорее увести девочку, предварительно успо-

коив родителей, чтобы те не сомневались в правильности своего решения.

В этом помещении, бывало, родители, мужья, жены в последнюю минуту с содроганием отворачивались от правды о кошмарном, пугающем недуге. Бывало, они тут же забирали своего странноглазого родственника. Одними двигал страх, другими — ложно понятые лучшие побуждения, третьими — взглядом доктор еще раз оценил этих родителей — упавшие зерна зависти и злости, мешавшие им прервать длинную вереницу страданий на том самом поколении, что пришло им на смену. Врач стремился проявлять сочувствие, но в пределах разумного, и вскоре счел возможным вызвать санитарку, чтобы определить новенькую в палату. Девочка выглядела жертвой шока. Когда ее увели, он почувствовал, как родителей охватила щемящая мука расставания.

Врач заверил, что до отъезда у них еще будет возможность попрощаться с дочкой, и оставил их на попечение медсестры приемного покоя, которой предстояло занести в журнал все необходимые сведения. Увидев эту супружескую пару вторично, уже после прощания, он отметил, что они тоже выглядят как жертвы шока — и на миг подумал: болевого шока после отсечения дочери.

Джейкоб Блау был не из тех, кто копается в себе и оглядывается на прожитую жизнь, дабы измерить и взвесить все, что она вместила. Иногда он подозревал жену в словоблудии: она раз за разом начинала перелопачивать свои муки бесконечными словами, словами, словами. Впрочем, отчасти в нем говорила ревность. Он тоже любил своих дочерей, хотя никогда не признавался в этом вслух;

ДЖОАНН ГРИНБЕРГ

он тоже хотел доверительности, но не умел распахивать душу; по этой причине родные и сами не спешили с ним делиться. Старшая дочь и вовсе ушла от него — можно сказать, нетерпеливо — в этот мрачный запертый и зарешеченный дом: при прощании она отступила назад и уклонилась от его поцелуя. Вроде как не пожелала утешить папу, чуть ли не содрогнулась от его прикосновения. По характеру вспыльчивый, он сейчас искал повод для ярости, очистительной, примитивной, непосредственной. Но злость его была так густо приправлена жалостью, страхом и любовью, что он не чаял, как от нее освободиться. Злость извивалась и смердела у него внутри, мало чем отличаясь от застарелой язвы.

Глава вторая

Дебору привели в тесный, неудобный санитарный блок и не спускали с нее глаз, пока она принимала душ. Даже когда она вытиралась полотенцем, ее с ног до головы оглядывала санитарка, безмятежно сидевшая в клубах пара. Послушно выполняя все распоряжения, Дебора не забывала слегка разворачивать к себе руку, чтобы скрыть от посторонних глаз следы двух маленьких целительных ранок на внутренней стороне левого запястья. Согласно новым правилам, ее снова отвели в приемное отделение, где какой-то желчный доктор с видимым недовольством заставил Дебору отвечать на личные вопросы и при этом явно не слышал, какой рев поднимается у нее за спиной.

В вакууме Междуземья, где она стояла между Иром и Данностью, оживал Синклит. Его участники грозили вот-вот разразиться потоком оскорблений и насмешек, от которого в обоих мирах у нее лопались барабанные перепонки. Она боролась с этой угрозой, как провинившийся ребенок, который в преддверии неминуемого наказания принимается махать кулаками и брыкаться. На некоторые вопросы доктора Дебора отвечала правдиво. Пускай теперь ее обзывают лентяйкой и вруньей. Рев мало-помалу нарастал, и она уже разбирала в нем отдельные слова.

В этом кабинете не за что было уцепиться. От погружения удерживали только Данность, где окопался ледяной доктор со своим блокнотом, да Ир с золотыми полянами и богами. Но в Империи Ир таились области ужаса и растерянности; теперь Дебора уже не знала, в которое из царств открыт проход. Это должны были подсказать врачи.

Она посмотрела на того, кто с безучастным видом сидел среди этого ропота, и сказала:

— Вы задали мне вопросы, и я рассказала вам правду. Теперь-то вы мне поможете?

— Это уже будет зависеть от тебя, — саркастически бросил он, закрыл блокнот и вышел.

«Знаток!» — хохотнул Антеррабей, Падающий Бог.

«Возьми меня с собой», — молила она, летя все ниже и ниже рядом с ним, ибо он падал в вечность.

«Так и быть», — отвечал он.

При падении волосы его, языки пламени, слегка вихрились от встречных воздушных потоков.

В тот день, и назавтра тоже, ее встречали равнины Ира, незатейливые длинные полосы земли, где радовала взор глубина пространства.

За эту великую милость Дебора была бесконечно признательна Силам. Непомерно много слепоты, холода и мук накопилось здесь за минувшие жестокие месяцы. Сейчас, как заведено в этом мире, образ ее расхаживал, и отвечал, и спрашивал, и действовал; она, больше уже не Дебора, а обитательница ирских равнин, нареченная подобающим именем, пела, танцевала, читала заклинания ласковому ветру, шевелившему высокие травы.

Для Джейкоба и Эстер Блау обратный путь оказался не легче дороги до клиники. Хотя они оста-

лись наедине, у них отнюдь не прибавилось свободы говорить о наболевшем.

Эстер чувствовала, что лучше, чем муж, знает Дебору. Бесконечная круговерть врачей и решений началась для нее раньше суицидной попытки дочери. Сидя в машине рядом с мужем, она хотела поведать ему, что теперь с благодарностью вспоминает этот глупый, показательный случай, когда дочь вскрыла себе запястье. Тягучее предчувствие какого-то малозаметного, но страшного неблагополучия обернулось фактом. Их смутные ощущения и неявные страхи обрели вес, когда по полу в ванной комнате растеклось полстакана крови; на другой день Эстер бросилась к доктору. Теперь ей хотелось указать Джейкобу на многие вещи, которых тот не замечал, только она не знала, как завести о них речь, не обидев мужа. Она покосилась на него: Джейкоб сосредоточенно управлял автомобилем, не отрывая взгляда от дороги.

— Через пару месяцев можно будет ее навесить, — выговорила Эстер.

Потом они стали придумывать легенду для родных и знакомых, которые были не особенно им близки и в силу своих предрассудков не допускали даже мысли об отправке кого-либо из членов семьи в психиатрический стационар. Для близких лечебницу предполагалось называть пансионом, а для Сьюзи, которая за истекшие месяцы неоднократно слышала слово «болезнь», да и прежде слишком часто и глубоко недоумевала, предназначалась версия насчет анемии, слабого здоровья и специализированной лесной школы. Родителей Эстер планировалось убедить, что все в порядке... нечто вроде дома отдыха. Те уже знали о консультациях и заключении психиатра; для них пред-

стояло изменить описание этого места и непременно вычеркнуть любые упоминания о том, что из одного зарешеченного окна доносился пронзительный, надсадный вопль, вызывавший только дрожь и зубовой скрежет. От этого вопля Эстер засомневалась, не совершают ли они в самом-то деле ошибку; вопль этот ей предстояло запереть в своем сердце, как Дебору заперли в Этом Месте.

Поднявшись со стула, доктор Фрид помедлила у окна, выходявшего не на больничные корпуса, а на небольшой сад, за которым располагалась прогулочная площадка для больных. В руках у нее было заключение. На одной чаше весов грузом лежали эти три машинописные страницы, а на другой — курсы лекций, которые она не сможет прочесть, научные исследования, которые застопорятся, и консультации для молодых специалистов, которые будут отменены, реши она взяться за этот случай. Клиническая работа ей нравилась. Пациенты в силу своего заболевания рассуждали о здравомыслии так, как дано мало кому из «здравомыслящих». Лишенные любви, доверительности и элементарного общения, они зачастую стремились к этим благам с той безоглядной истовостью, какая виделась ей прекрасной.

Бывает, скорбно думала она, что мир в своем безумии дает сто очков вперед пациентам психиатрических стационаров. Ей вспомнилась Тильда из немецкой клиники: Гитлер находился по ту сторону больничных стен, но даже сама доктор Фрид не могла бы поручиться, на какой стороне царит здравый смысл. Тильда, которую привязывали к койке, принудительно кормили через трубочку и глушили психотропными, чтобы подавить волю, смогла

достаточно долго сохранять проблески своей яркой ненависти. При ее появлении в палате Тильда по-актерски любезно улыбалась с застеленной грубым полотном койки и говорила: «О, входите же, милый доктор! Вы как раз подоспели к успокоительному чаю вашей больной и к концу света».

Ни Тильды, ни Гитлера уже не было в живых; молодые врачи, приходившие со студенческой скамьи без всякого жизненного опыта, с каждым годом требовали все больше и больше внимания. Есть ли у нее моральное право брать частных пациентов, на которых, возможно, придется потратить многие годы, чтобы добиться сколько-нибудь заметного улучшения, притом что тысячи, десятки тысяч других требуют, пишут, звонят, молят о помощи? Доктор Фрид усмехнулась, поймав себя на тщеславии, которое сама же когда-то назвала злейшим врагом доктора, вторым после заболевания пациента. Если даже Всевышний действовал поэтапно, пусть это будет ей примером.

Она вернулась за стол, открыла папку и стала читать:

ПАЦИЕНТ: БЛАУ ДЕБОРА Ф. Полных лет: 16.

ПРЕДШЕСТВ. ГОСПИТАЛИЗАЦИИ: Нет.

ПЕРВИЧНЫЙ ДИАГНОЗ: ШИЗОФРЕНИЯ

1. *Тестирование.* Тесты показывают высокий уровень (140–150) умственного развития, но паттерны нарушены заболеванием. Многие вопросы интерпретируются неверно, с гипертрофированным отнесением на свой счет. Полностью субъективная реакция на беседу и тестирование. Анализ невротичности выявил характерные шизофренические сценарии с компульсивным и мазохистским компонентом.

2. *Беседа (первичная).* При поступлении больная производила впечатление хорошо ориентированной, спо-

собной к логическому мышлению, но в ходе беседы логика временами ослабевала, и при любой реплике, истолкованной как поправка или критика, больная проявляла крайнее беспокойство. Всеми средствами пыталась блеснуть остроумием, используя его как мощную защиту. В трех случаях проявила неуместную веселость: один раз, когда заявила, что причиной госпитализации стала суицидная попытка, и дважды — в ответ на вопрос о календарной дате. В ходе беседы ее отношение изменилось, она повысила голос и в качестве причин заболевания перечислила разрозненные обстоятельства своей жизни, такие как перенесенное в возрасте пяти лет оперативное вмешательство и его травматические последствия, жестокость няни и т. п. Упомянутые случаи не были связаны между собой и не подчинялись определенному сценарию. При пересказе одного случая больная рванулась вперед и обвинительным тоном спросила: «Я рассказала вам правду — теперь-то вы мне можете?» Продолжение беседы стало нецелесообразным.

3. *Семейный анамнез.* Место рожд.: г. Чикаго, штат Иллинойс. Дата рожд.: октябрь 1932. Грудное вскармливание до 8 м-цев. Одна сестра, Сьюзен, 1937 г. р. Отец: Джейкоб Блау, бухгалтер; родители эмигрировали из Польши в 1913 г. Роды срочные. В возрасте 5 лет перенесла 2 операции по поводу опухоли мочеиспускательного канала. Вследствие тяжелого материального положения семья съехала с дедом и бабушкой по материнской линии, проживающими в пригороде Чикаго. Положение улучшилось, но у отца были диагностированы язва желудка и гипертензия. Во время войны (1942 г.) семья вернулась в черту города. Больная испытывала трудности с адаптацией и подвергалась издевательствам одноклассников. Половое созревание физически протекало нормально. В возрасте 16 лет совершена суицидная попытка. Многолетняя склонность к депрессиям; физическое состояние все годы в норме, за исключением онкологии.

Я НИКОГДА НЕ ОБЕЩАЛА ТЕБЕ САДА ИЗ РОЗ

Перевернув страницу, она пробежала глазами количественные показатели и результаты тестов.

Шестнадцать лет — такие юные больные до сих пор ей не встречались. Даже не принимая в расчет личность девушки, интересно было бы выяснить эффективность психотерапии в случае пациентки со столь скромным жизненным опытом и установить, облегчает это работу или усложняет.

В конце концов именно ее возраст повлиял на решение доктора Фрид и добавил этой тонкой папке больше веса, чем предстоящая обязанность посещать клинические разборы и писать статьи.

— *Aber wenn wir...* Если мы добьемся успеха... — прошептала она, с усилием переключаясь на неродной язык, — сколько будет впереди славных лет...

И вновь посмотрела на цифры и факты. История болезни, похожая на эту, в свое время вынудила ее сказать одному психологу-клиницисту: «Когда-нибудь нужно будет разработать тест, который позволит выявлять не только отклонение, но и норму».

Психолог тогда ответил, что такие сведения гораздо легче получить при помощи гипноза, амитилов и пентоталов.

— Не думаю, — возразила ему доктор Фрид. — Скрытая сила — слишком глубинная штука. Но по большому счету... по большому счету это наш единственный союзник.

Глава третья

В течение некоторого времени — сколь долго по земным меркам, Дебора не ведала, — все было тихо-спокойно. Мир почти ничего не требовал, а потому опять создалось впечатление, что муки Ира большей частью проистекают от давления извне. Порой из Ира можно было подглядеть за «реальностью», отделенной как будто лишь кисейным пологом. В таких случаях из Деборы она превращалась в Янусю, уподобляясь двуликому Янусу, у которого для каждого из миров свое лицо. Ее школьные неприятности начались как раз с того, что она случайно выдала это имя. Жила она по Тайному Календарю (ирское летоисчисление значительно отличалось от земного), но в середине дня возвращалась к Тяжкому Календарю, и тогда ее посещало дивное, вездесущее чувство преображения; вот в такой момент она и подписала проверочную работу: «Уже ЯНУСЯ». Учительница спросила: «Дебора, это еще что за метка? Что за слово такое: „Януся“?»

И пока учительница стояла у нее над душой, в будничной, дневной классной комнате оживал и поднимал голову какой-то ночной кошмар. Оглядевшись, Дебора поняла, что видит одни очертания, серые на сером фоне, лишённые глубины, плоские, будто рисованные. Метка на тетрадном листе представляла собой эмблему, летевшую на Землю из

ирского времени, но застигнутую в полете, а потом отвечать пришлось и за одно, и за другое. Ответом своим она едва не выдала ужаса — ужаса, от которого невозможно очнуться в здравом рассудке, вот ей и пришлось лгать и увиливать, отчего сердце заколотилось так, что не давало дышать. Чтобы впредь не допускать подобной опасности, ночью Великий Синклит — боги и демоны Ира и земных теней — в полном составе втиснулся в Междуземье и назначил Цензора, чтобы тот присматривал за империей и вклинивался между словами и поступками Деборы, охраняя тайну существования Ира.

С годами могущество Цензора только крепло, а в последнее время он стал все чаще врываться то в один мир, то в другой, дабы не упускать из виду ни единого слова или дела. Один неосторожный шепоток, один начертанный знак, один проблеск света мог вломиться в тайные пределы и навек уничтожить ее саму вместе с двумя мирами.

На Земле текла больничная жизнь. Дебора с благодарным чувством приходила в кабинет трудотерапии, где можно было спрятаться от этого мира. Она училась плетению из лозы, воспринимая наставления инструктора в своей сардонической и нетерпеливой манере. Другие ученицы — она это знала — ее не любили. Окружающие никогда ее не любили. В общей спальне рослая девушка предложила ей партию в теннис — это был такой шок, от которого содрогнулись все уровни Ира, вплоть до самого последнего. Несколько раз Дебору вызывали для беседы к тому же доктору с карандашом; она узнала, что это «заведующий отделением» и от него зависят «поблажки» — шаги в сторону нормального мира: подъем, выход из отделения, ужин, прогулка по территории, даже поход в кино или в ма-

Литературно-художественное издание

ДЖОАНН ГРИНБЕРГ
Я НИКОГДА НЕ ОБЕЩАЛА ТЕБЕ
САД ИЗ РОЗ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ксения Казак, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.09.2017. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,72. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABA-21385-01-R